

Папа, папа, бедный папа, ты не вылезешь из шкапа...

Артур Копит никогда не стремился к славе и потому почти не заметил ни ее прихода, ни того, как она растаяла

Независимая - 2009 - 26
сентября - с. 12.

Григорий Заславский

Среди гостей проходящего в Москве фестиваля «Новая драма» – американский драматург, лауреат Пулитцеровской премии Артур Копит. Автор знаменитой, в том числе шедшей в московском Театре сатиры пьесы с длинным названием «Папа, папа, бедный папа, ты не вылезешь из шкапа, ты повешен нашей мамой между платьем и пижамой». Автор либретто бродвейских мюзиклов «Девять» и «Фантом оперы». Одна из пьес Копита, возможно, вскоре появится в афише МХАТа имени Чехова.

– Я помню, как впервые узнал о вашей пьесе. В советском сатирическом журнале «Крокодил» появилась статья, клеймившая падение американских нравов. При-

мером этого падения стала пьеса «Папа, папа, бедный папа...». Пьеса пересказывалась таким образом, что я, признаюсь, в тот момент тоже разделил искреннее возмущение автора статьи. Чем стала эта пьеса для американского театра?

– Эту пьесу довольно долго не ставили в Нью-Йорке, и сейчас я пытаюсь сделать так, чтобы пьеса вновь появилась на сцене. Когда она впервые появилась в Соединенных Штатах, это была часть целого театрального движения, которое некоторые называли «театром абсурда». Как раз тогда на сцене впервые появились пьесы Олби, вскоре появился Сэм Шеппард, а в Англии – Гарольд Пинтор. Но при этом театр Нью-Йорка 60-х годов двигался в обратную от Бродвея сторону, в маленькие театры. Один из наиболее важных моментов этого перехода – пьеса

Жана Жене «Балкон». Тогда мы впервые увидели потрясающую пьесу, которую невозможно было представить в рамках коммерческого театра. Для нее был нужен некий особый театр, театр протеста. И для многих драматургов, в том числе и для меня, появление пьесы Жене открыло возможность для написания наших собственных произведений, которые бы выбивались из каких-то рамок и традиционных форм. Некоторые пьесы начали ставить в маленьких кафе, в которых порой собиралось не более 50 зрителей. Но в то же время эти спектакли были частью огромного взрыва театральной энергии. И мне казалось, что моя пьеса была частью этого взрыва, поскольку пьеса «Папа, папа, бедный папа...» тоже была поставлена не на Бродвее, а в маленьком театре примерно на 300 мест. А потом внезапно оказалось, что

для других театров по всему миру не важно, была ли эта американская пьеса поставлена на Бродвее в большом театре или в маленьком, вне Бродвея. Если пьеса была успешной, значит, была успешной. Когда я писал свою пьесу, мне даже в голову не могло прийти, что она может иметь коммерческий успех. Мне просто казалось, что это какая-то совершенно сумасшедшая пьеса, и казалось, что она действительно хороша. По-моему, Андре Жид однажды сказал, что писатель на самом деле не должен думать, что у его работы есть какие-то достоинства. Предугадать успех невозможно. Когда драматург изо всех сил пытается отыскать связь со зрителем, то он превращается в проповедника, а пьеса становится поучением. Мне кажется, моя пьеса была в определенном смысле настолько сумасшедшей, что человек, который смотрел ее, думал, что драматург не очень понимал, что делает, но что-то сделал правильно.

– Вы своими словами опровергаете наши представления об американском шоу-бизнесе. Вы сказали, что хотели бы вернуть свою пьесу на сцену. И тут я вспомнил один американский фильм, где героиня просит показать главного героя, что тот читает. Он показывает и говорит, что это его любимая книга. «А когда она вышла?» – «Наверное, лет двадцать назад». – «Как можно читать книгу, написанную 20 лет назад?» – искренне недоумевает героиня... Почти так же кажется, что невозможно вернуть в американский театр что-то, что уже сошло со сцены...

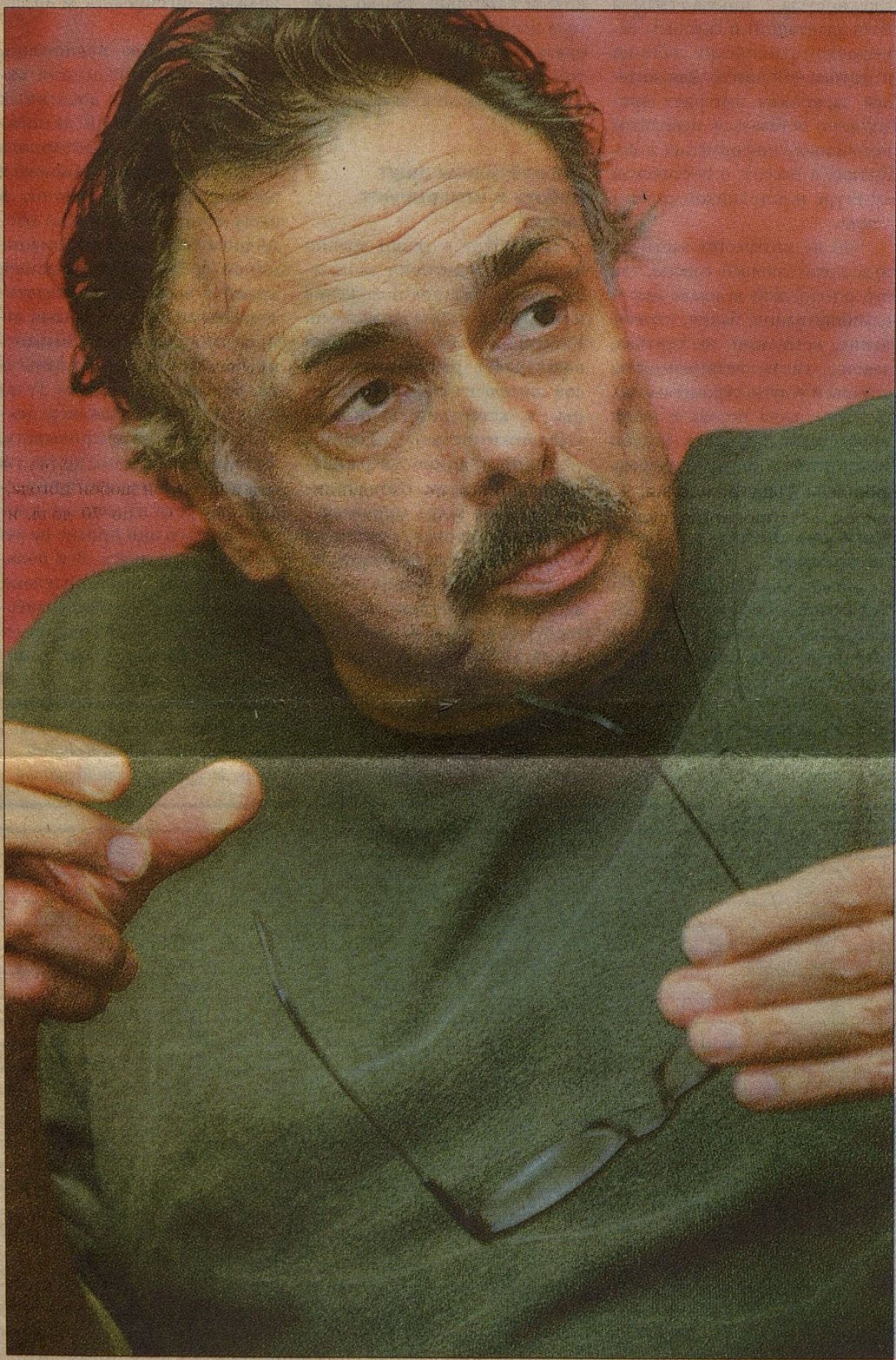
– На самом деле в США действует обратный закон. В принципе пьесы, которые произвели впечатление тогда, по-прежнему сильны и сегодня. Это дает нам ощущение театральной традиции.

– С пьесой «Папа, папа...» к вам пришла слава. Было ли что-то плохое в этой славе?

– Ой, вы знаете, в этом было так много хорошего, что я даже не могу сказать про плохое. Я действительно проснулся знаменитым... Главное заключалось в том, чтобы не воспринимать это всерьез, знать, что слава приходит быстро и так же быстро улетучивается, если не относиться всерьез к ней, то ни то, ни другое не окажется шокком.

– Иногда кажется, что новая драма рассказывает только об ужасном. Ее герои – изгои общества, убийцы, наркоманы, дети, которые заживо сжигают своих родителей... В Америке так же?

– Драмтеатр обязательно найдет равновесие. Если сейчас в пьесах дети убивают родителей, значит, скоро появится пьеса, в которой родители будут убивать детей.

Артур Копит: «Главное – не воспринимать всерьез свою славу».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)